Пределы ограничения конституционного права на судебную защиту

Дегтярев Даниил Дмитриевич
аспирант, Московский Инновационный Университет,
degtyarev2000@list.ru,

Чечулина Алла Анатольевна
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой юридических дисциплин, Московский Инновационный Университет

Статья посвящена анализу пределов и ограничений конституционного права на судебную защиту в их соотношении с абсолютным, неотчуждаемым содержанием данного права. Авторы ставят проблему: каким образом законодательное регулирование процессуальных условий обращения в суд совместимо с закреплённым в части 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации запретом на ограничение этого права. Показано, что критерием разграничения допустимого предела и недопустимого умаления права выступает не воля законодателя сама по себе, а независимая судебная оценка, в связи с чем в статье последовательно анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, институциональные и личные гарантии независимости суда, а также новые вызовы, связанные с цифровизацией правосудия и использованием технологий искусственного интеллекта, способных создавать фактические, не предусмотренные законом пределы доступа к правосудию. Особое внимание уделено проблеме цифрового равенства как новому аспекту принципа равенства перед законом и судом в условиях цифровизации правосудия. Сформулирован вывод о том, что независимость судебной власти следует рассматривать не как обособленный принцип организации государственной власти, а как условие, при котором право на судебную защиту способно выполнять своё конституционное назначение.

Ключевые слова: право на судебную защиту, пределы и ограничения прав, абсолютные права, независимость судебной власти, статья 55 Конституции Российской Федерации, статья 56 Конституции Российской Федерации, цифровое равенство, искусственный интеллект, конституционная законность, судебное право.

Введение

Принцип независимости судебной власти закреплён в статьях 10 и 120 Конституции Российской Федерации и составляет одну из основ конституционного строя. Независимость суда нельзя рассматривать отдельно от права на судебную защиту, закреплённого в статьях 46 и 47 Конституции Российской Федерации. Указанное право реализуется лишь тогда, когда рассмотрение дела осуществляется органом, свободным от внешнего давления, будь то давление законодательной или исполнительной власти, отдельных лиц или технологических систем. По этой причине независимость судебной власти правильнее рассматривать не как отдельный, принцип организации государственной власти, а как условие, при котором право на судебную защиту способно выполнять своё конституционное назначение.

Актуальность темы связана с тем, что современное регулирование права на судебную защиту одновременно допускает его ограничение федеральным законом и провозглашает отдельные его элементы неприкосновенными. Требуется выяснить, где проходит грань между допустимым пределом права и его неотчуждаемой частью и какую роль в поддержании этой грани играет независимость суда. Дополнительную актуальность придаёт цифровая трансформация правосудия, включая внедрение искусственного интеллекта, которая расширяет доступ к суду, но способна порождать новые, не предусмотренные законом формы неравенства между лицами, обладающими и не обладающими техническими возможностями.

1. Нормативные ограничения права на судебную защиту

В доктрине конституционного права фундаментальное значение имеет деление прав человека на абсолютные и относительные по критерию допустимости законодательного вмешательства в их существо. Абсолютные права образуют неотчуждаемое ядро правового статуса личности и не подлежат сужению ни при каких обстоятельствах, включая чрезвычайное и военное положение (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), тогда как относительные права могут быть ограничены федеральным законом на основе принципа соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Б.С. Эбзеев справедливо отмечает: «Ограничения прав не должны посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания» [1].

Право на судебную защиту традиционно относится к категории абсолютных прав в силу его инструментальной природы как универсальной гарантии всех иных прав и свобод. Часть 3 статьи 56 Конституции РФ прямо исключает это право из перечня благ, подлежащих ограничению даже в условиях чрезвычайного или военного положения, что подтверждается практикой Конституционного Суда РФ, ещё в 1996 году указавшего на его неотчуждаемый характер [2]. Вместе с тем на стыке материального права и процессуальной догматики возникает вопрос, состоящий в следующем, будучи абсолютным по конституционно-философской сути, в плоскости практической реализации это право неизбежно приобретает относительный характер, подвергаясь сужению системой процессуальных особенностей, таких как институт подсудности и подведомственности, процессуальными сроками, требованиями к форме исков и обязательными досудебными процедурами.

Ограничения прав человека принято дифференцировать по нескольким основаниям: по субъекту — законодательные и правоприменительные; по объекту — материально-правовые, определяющие объём самого права, и процессуальные, определяющие лишь порядок его реализации; по интенсивности — пределы, не затрагивающие существо права, и ограничения, сужающие его объём. Применительно к праву на судебную защиту процессуальные пределы, такие как сроки, подсудность, форма обращения, досудебный порядок являются понятной формой регулирования, поскольку упорядочивают, а не блокируют доступ к правосудию, тогда как материально-правовые ограничения конституционно недопустимы.

Часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации допускает ограничение прав федеральным законом в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства [3]. Право на судебную защиту не исключение. Законодатель устанавливает процессуальные

сроки, правила подсудности, требования к форме обращения и размер пошлины, что не противоречит Конституции при условии соразмерности и сохранения существа права. Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян связывают допустимость таких ограничений с балансом между судебной защитой прав граждан и стабильностью правовых состояний [4], а С.А. Авакьян обоснованно относит право на судебную защиту к правам по защите других прав [5], что указывает на его обеспечительную природу и объясняет, почему ограничение допустимо лишь в пределах, не приводящих к умалению самого права.

Часть 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации прямо устанавливает, что права, предусмотренные статьями 20, 21, 23, 24, 28, 34, 40 и 46—54, не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения [6], и право на судебную защиту входит в этот перечень. Конституционный Суд РФ уже в 1996 году указывал, что оно не подлежит ограничению ни при каких условиях, включая случаи части 3 статьи 55 [7], а в 2017 году уточнил, что это не только право на обращение в суд, но и возможность реальной защиты путём восстановления нарушенных прав с учётом критериев эффективности и справедливости [8]. На наш взгляд, названные подходы описывают дуалистическую природу одного права, а именно конкретные процессуальные формы, которые регулируется законодателем и могут ограничиваться при соблюдении соразмерности, и сама возможность обратиться в суд и получить рассмотрение дела по существу, что образует константу, не подлежащую ограничению ни при каких обстоятельствах.

2. Независимость суда как гарантия неприкосновенности права на судебную защиту

Обеспечение границы между допустимым пределом и неприкосновенным ядром права на судебную защиту невозможно без независимого суда. Именно суд, а не законодатель или исполнительная власть, оценивает, не превысило ли ограничение допустимую меру. Полномочие Конституционного Суда РФ проверять законы на соответствие Конституции реализуется именно потому, что его судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ, а не текущей законодательной воле [9]. Н.С. Бондарь связывает независимость суда с аксиологическим основанием судебного права, при котором независимость выступает не техническим правилом судоустройства, а ценностной предпосылкой, обеспечивающей способность суда оценивать акты публичной власти с точки зрения прав человека [10].

И.А. Кравец, развивая категорию судебного конституционализма, связывает его с судебным гарантированием Конституции как неотъемлемым атрибутом действующей, а не декларативной конституции [11]: без независимости суд утратил бы способность отделять законное ограничение от неконституционного умаления права. Институциональная независимость суда (ст. 10 Конституции РФ и ст. 5 ФКЗ «О судебной системе РФ» [9; 12]) защищает судебную власть от вмешательства других ветвей власти, а личная независимость судьи (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ [9]) — от давления внутри самой судебной системы — оба составляющие необходимы, чтобы суд мог содержательно проверять соответствие закона и правоприменительной практики Конституции РФ.

Данная функция суда тесно связана с концепцией судейского права. А.А. Чечулина обосновывает, что судейское усмотрение не отступление от принципа законности, а неотъемлемый элемент правосудия, позволяющий восполнять пробелы регулирования и защищать уязвимых участников правоотношений, когда буквальное применение нормы бы противоречило конституционным ценностям [13]. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что независимость судьи является не самоцелью, а условием, при котором суд способен формировать судебное право как категорию, обеспечивающую единство правоприменения независимо от отраслевой принадлежности спора.

3. Цифровое равенство и искусственный интеллект как новые пределы права на судебную защиту

Проблема цифрового равенства также важна, поскольку цифровая трансформация правосудия может как укрепить, так и повлиять в негативном ключе на конструкцию пределов и абсолютизма права на судебную защиту. Часть 1 статьи 19 Конституции РФ закрепляет равенство всех перед законом и судом [14], однако в условиях внедрения электронного документооборота и платформенных сервисов подачи документов оно должно включать равенство фактических возможностей воспользоваться цифровыми средствами доступа. А.А. Чечулина и А.В. Никитова указывают, что различие между электронным и цифровым правосудием заключается в глубине информационной трансформации процессуальных отношений, а не в замене бумажного документооборота электронным [15]. Автоматизация в рамках машиночитаемого права также влияет на эту проблему: чем выше её степень, тем важнее сохранение процедур, не зависящих от технических средств и цифровых компетенций лица [16]. Слишком быстрая цифровая трансформация порождает риск цифрового неравенства, то есть ситуации, когда формально доступное всем право на судебную защиту фактически реализуется поразному в зависимости от доступа к сетям, устройствам и зависит от цифровых компетенций.

Особую остроту этой проблеме придаёт внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность. Как отмечают О.В. Романовская и Е.А. Романовская, возложение на участника процесса обязанности использовать цифровые сервисы объективно усугубляет цифровую дискриминацию, лишая доступа к правосудию тех, кто не владеет соответствующими навыками или техническими средствами [17]. Алгоритмическая фильтрация обращений и автоматизированное распределение дел могут таким образом стать самостоятельным фактором ограничения права на судебную защиту, не проходящим проверку ни по части 3 статьи 55, ни по части 3 статьи 56 Конституции РФ. Дополнительный риск, как отмечает А.А. Фролов, связан с непрозрачностью алгоритмов: наиболее точные модели зачастую остаются наименее объяснимыми, и стороне может оказаться недоступным содержательное обоснование акта, принятого с использованием подобных систем [18]. Между тем часть 1 статьи 46 Конституции РФ предполагает не только обращение в суд, но и получение мотивированного, поддающегося обжалованию решения [19]: исключение мотивировочной составляющей из зоны контроля означало бы скрытое умаление неотчуждаемого ядра права даже без формального законодательного ограничения. Следовательно, использование искусственного интеллекта в судопроизводстве допустимо лишь в той мере, в какой оно не создаёт нового предела, не предусмотренного Конституцией РФ.

Цифровое неравенство следует рассматривать не только как технический, а скорее как конституционно значимый вопрос, способный повлиять на неизменяемую суть права на судебную защиту. Если цифровизация процессуальных процедур не сопровождается сохранением альтернативных способов обращения в суд, право на судебную защиту для незащищённых групп, пожилых лиц, жителей отдалённых территорий, лиц с ограниченными возможностями способно трансформироваться из абсолютного в фактически ограниченное, но не законодательно, а по своей фактической сущности. Цифровизация допустима лишь постольку, поскольку она не создаёт нового, фактического предела, не предусмотренного статьями 55 и 56 Конституции РФ.

Только независимый суд, а не оператор цифровой платформы или алгоритм искусственного интеллекта, вправе окончательно решить, была ли соблюдена процессуальная форма, и предоставить лицу, лишённому по объективным причинам возможности воспользоваться цифровым сервисом, альтернативный способ реализации права. Судья по смыслу ст. 125 Конституции РФ и ст. 11 ФКЗ «О судебной системе РФ» может быть только физическим лицом [9; 12], поэтому окончательная оценка соответствия цифровых и алгоритмических процедур конституционным гарантиям равенства и судебной защиты не может быть делегирована технической системе [20]: независимость суда выполняет здесь функцию последней инстанции, за которой цифровое неравенство не может превратиться в юридическое неравенство перед судом.

Заключение

Судебная защита в современном конституционно-правовом понимании выступает не только как субъективное право на обращение в суд, но и как универсальная конституционная ценность, обеспечивающая реальность прав и свобод личности и ограничение произвола публичной власти. Ценность судебной защиты заключается не в формальном наличии судебной процедуры, а в её реальной эффективности, доступности и восстановительном характере. Государство обязано гарантировать каждому возможность своевременно, равноправно и результативно защитить свои права.

Изложенное позволяет обосновать, что конституционализация права на судебную защиту означает переход от системы законности

к системе конституционной (правовой) законности, в рамках которой каждая норма оценивается с точки зрения соответствия правам человека. И.А. Кравец указывает, что конституционность — явление более высокого правового порядка, чем законность, поскольку она обеспечивает верховенство ценностей и принципов Конституции РФ, а не просто соответствие актов закону [21]. Применительно к праву на судебную защиту это означает, что оценка правомерности ограничения не может ограничиваться проверкой его формального соответствия закону. Режим конституционной законности определяет переход к ценностно-ориентированному правосудию, в котором суд оценивает не только букву закона, но и его соответствие конституционным ценностям.

Анализ пределов и ограничений права на судебную защиту, его абсолютного ядра и новых вызовов, связанных с цифровизацией и использованием технологий искусственного интеллекта, подтверждает, что независимость судебной власти не является обособленным и организационным принципом. Она представляет собой конституционную гарантию, объединяющую все рассмотренные аспекты права на судебную защиту, его допустимые пределы, его неотчуждаемость и цифровое равенство как условие его реализации в новых технологических условиях. Только независимый суд способен провести грань между правомерным пределом и недопустимым ограничением, включая случаи, когда источником фактического ограничения выступает не законодатель, а алгоритм. Иными словами, независимость судебной власти правильнее рассматривать не как отдельный принцип организации государственной власти, а как условие, при котором право на судебную защиту способно выполнять своё конституционное назначение, — и именно в этом состоит подлинная мера зрелости правового государства.

Литература

1. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 248.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.1996 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1768.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 55. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 224 с.
5. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.
6. Конституция Российской Федерации. Ст. 56. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/48be86bd7f4972866a4e8835be2b06da3d052b4b/
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.10.1996 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 49. Ст. 7457.
9. Конституция Российской Федерации. Ст. 10, 120, 125. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
10. Бондарь Н.С. Независимость суда как аксиологическая основа судебного права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 10. С. 2–9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-10-2-9. URL: https://lawinfo.ru/articles/11938/nezavisimost-suda-kak-aksiologiceskaya-osnova-sudebnogo-prava
11. Кравец И.А. Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // NB: Вопросы права и политики. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780.
12. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 5, 11). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/
13. Чечулина А.А. Концепция судейского права как гарантия социальной справедливости. С. 170–176. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=90744983
14. Конституция Российской Федерации. Ст. 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
15. Чечулина А.А., Никитова А.В. К вопросу о цифровом правосудии // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы конференции. URL: https://journalec.com/ru/keyword/71335/articles
16. Чечулина А.А., Дегтярев Д.Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука. 2026. № 1. С. 28–31.
17. Романовская О.В., Романовская Е.А. Правовой режим цифровой юстиции // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 1. С. 21–31. DOI 10.21685/2307-9525-2024-12-1-3.
18. Фролов А.А. Искусственный интеллект в судебной системе: между эффективностью и справедливостью // Российский судья. 2026. № 3. С. 56–60. DOI 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.
19. Конституция Российской Федерации. Ст. 46, 47. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1f1ca1e76ebdb70979b8aefe86b441f7cd9373e3/
20. Дегтярев Д.Д. Проблемы цифровой трансформации судоустройства // Юридическая гносеология. 2025. № 8. С. 57–63.
21. Кравец И.А. Понятие и способы конституционализации правового порядка // Российский юридический журнал. 2003. № 4 (40). С. 9–18.

Limits of limitation of the constitutional right to judicial protection

Degtyarev D.D., Chechulina A.A.

Moscow Innovation University

The article is devoted to the analysis of the limits and limitations of the constitutional right to judicial protection in their relation to the absolute, inalienable content of this right. The authors pose a problem: how is the legislative regulation of the procedural conditions of applying to the court compatible with the prohibition on restriction of this right stipulated in part 3 of Article 56 of the Constitution of the Russian Federation? It is shown that the criterion for distinguishing the permissible limit and the unacceptable diminution of law is not the will of the legislator in itself, but an independent judicial assessment, and therefore the article consistently analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, institutional and personal guarantees of judicial independence, as well as new challenges related to the digitalization of justice and the use of artificial intelligence technologies. capable of creating de facto, non-legally prescribed limits on access to justice. Special attention is paid to the problem of digital equality as a new aspect of the principle of equality before the law and the court in the context of the digitalization of justice. The conclusion is formulated that the independence of the judiciary should be considered not as a separate principle of the organization of state power, but as a condition under which the right to judicial protection is able to fulfill its constitutional purpose.

Keywords: the right to judicial protection, limits and limitations of rights, absolute rights, independence of the judiciary, article 55 of the Constitution of the Russian Federation, article 56 of the Constitution of the Russian Federation, digital equality, artificial intelligence, constitutional legality, judicial law.

References

1. Ebzeev B.S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation: monograph. 2nd ed., revised Moscow: Prospekt, 2015. p. 248.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/27/1996 No. 8-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 1 and 21 of the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 "On State Secrets" in connection with complaints from citizens V.M. Gurdjieff, V.N. Sintsov, V.N. Bugrova and A.K. Nikitina" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 15. Article 1768.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993, with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020). Art. 55. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. Justice: orientation to the Constitution: a monograph. Moscow: Norm: INFRA-M, 2024. 224 p.
5. Avakian S.A. Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Norm: INFRA-M, 2019.
6. Constitution of the Russian Federation. Article 56. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/48be86bd7f4972866a4e8835be2b06da3d052b4b/
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 28, 1996 No. 18-P "In the case of checking the constitutionality of Article 6 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen O.V. Sushkov" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 45. St. 5203.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/21/2017 No. 30-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chensky" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 49. Art. 7457.

9. Constitution of the Russian Federation. Articles 10, 120, 125. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
10. Bondar N.S. Independence of the court as an axiological basis of judicial law // Constitutional and municipal law. 2025. No. 10. PP. 2-9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-10-2-9. URL: https://lawinfo.ru/articles/11938/nezavisimost-suda-kak-aksiologiceskaya-osnova-sudebnogo-prava
11. Kravets I.A. Judicial guarantee of the Constitution and presidential constitutionalism // NB: Issues of law and politics. 2014. No. 8. pp. 1-35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780.
12. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated December 31, 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation" (Articles 5, 11). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/
13. Chechulina A.A. The concept of judicial law as a guarantee of social justice. pp. 170-176. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=90744983
14. The Constitution of the Russian Federation. Article 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
15. Chechulina A.A., Nikitova A.V. On the issue of digital justice // Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects: conference proceedings. URL: https://journalec.com/ru/keyword/71335/articles
16. Chechulina A.A., Degtyarev D.D. The concept of machine-readable law as an element of the digital transformation of justice. 2026. No. 1. pp. 28-31.
17. Romanovskaya O.V., Romanovskaya E.A. The legal regime of digital justice // Science. Society. State. 2024. Vol. 12. No. 1. pp. 21-31. DOI 10.21685/2307-9525-2024-12-1-3.
18. Frolov A.A. Artificial intelligence in the judicial system: between efficiency and fairness // The Russian judge. 2026. No. 3. pp. 56-60. DOI 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.
19. Constitution of the Russian Federation. Articles 46, 47. URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1f1ca1e76ebdb70979b8aefe86b441f7cd9373e3 20. Degtyarev D.D. Problems of digital transformation of the judicial system // Legal epistemology. 2025. No. 8. pp. 57-63.
21. Kravets I.A. The concept and methods of constitutionalization of the legal order // Russian Law Journal. 2003. No. 4 (40). pp. 9-18.